

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКИХ СОСЛОВИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: МЕЩАНЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Б. В. Туаева
Э. Ш. Гутиева

В статье исследуется мещанское сословие Северного Кавказа в контексте экономических, хозяйственных и социально-политических процессов. Рассматриваются особенности формирования и развития мещанского сословия в городах Северного Кавказа; анализируются правовые, социальные и экономические аспекты. Созданная для удовлетворения государственных нужд, мещанская община внедрялась и утверждалась в среде горожан на протяжении позднеимперского периода российского государства. Постепенно, став неотъемлемой частью городского общества, мещане стали участвовать в формировании городских бюджетов, в их расходной части. Денежные суммы, собранные с мещан, расходовались на содержание учреждений, полиции, городские службы, на благоустройство дорог и пр. Государство стремилось регламентировать их занятия, участие в управлении, контролировало поступление и выход из сословия. Принадлежность к мещанству во многом определяла статус и материальное положение горожан. Анализ источников, в частности, Первой Всеобщей переписи населения Российской империи за 1897 г. по Терской и Кубанской областям и Ставропольской губернии, а также материалов Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания, позволил воссоздать картину происходивших в Терской области социально-экономических и политических преобразований и выявить место мещанского сословия в этих процессах. Исследование жизнедеятельности мещанского сословия позволяет сделать вывод о том, что мещане северокавказских городов отличались социальной активностью, и, в отличие от мещан крупных российских городов, они принимали более активное участие в формировании дум, в собраниях городского общества. Однако эта особенность не могла повлиять на общую тенденцию нивелирования сословий как страт трансформирующегося общества.

Ключевые слова: мещане, городские сословия, Северный Кавказ, провинциальный город, Российская империя, социально-экономическая среда, урбанизация, социальная мобильность, горожане.

The article explores the philistine class of the North Caucasus in the context of economic and socio-political processes. The peculiarities of formation and development of the philistine class in the cities of the North Caucasus are considered; its legal, social and economic aspects are analyzed. Created to meet state needs, the philistine community was introduced and affirmed among the citizens during the late imperial period of the Russian state. Gradually, becoming an integral part of the urban society, the middle class began to participate in the formation of city budgets, in their expenditure part. The money collected from the townspeople was spent on the maintenance of institutions, police, city services, improvement, improvement of state roads, etc. The state sought to regulate their employment, participate in the administration, monitor the entry and exit from the estate. Belonging to philistinism in many ways determined the status and financial situation of the townspeople. The analysis of the sources, in particular, of the First General Census of the Russian Empire for 1897 in the Terek and the Kuban Regions and the Stavropol Gubernia, as well as the materials of the Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania, made it possible to recreate the picture of socioeconomic and political transformations taking place in the Terek

region and to reveal the place of the philistine class in these processes. The study of the activity of the philistine class allows us to conclude that the burghers of the North Caucasian cities were notable for their social activity, and unlike the townspeople of the large Russian cities, they took more active part in the formation of city assemblies, in the meetings of the urban society. However, this feature could not affect the general trend of leveling the estates as stratum of a transforming society.

Keywords: *commoners, urban estate, North Caucasus, provincial town, Russian Empire, social and economic environment, urbanization, social mobility, citizens.*

Изучение российского провинциального города в контексте урбанизационных процессов в период пореформенной модернизации претендует на выделение его в отдельное научное направление. По мнению специалистов, именно во второй половине XIX — начале XX в. город постепенно берет на себя определяющую и доминирующую функции, когда переход к «городскому обществу» подразумевает переход общества в новое качество. Отделение города от деревни через сокращение земельных ресурсов для занятия городского населения сельским хозяйством, развитие товарно-денежных отношений и промышленности [1, 196; 2, 229; 3], рост городов и городского населения формировали новую экономическую, социальную и общественно-культурную среду. Определенную роль в этом процессе играло мещанство как «реальная социальная группа населения в России» [4, 429].

Среди горожан мещане были представлены к концу XIX в. как вторая (после крестьян), а нередко и первая по величине группа населения Российской империи, составлявшая около 40-55%. Увеличение мещанства происходило не столько в результате демографических процессов (естественный прирост населения в городах в XIX в. был менее значительным, чем в сельской местности), сколько за счет пополнения этого сословия выходцами из других социальных групп, прежде всего крестьян-

ства. Наряду с крестьянами, мещане до 1883 г. признавались основным тягловым сословием, что означало несение определенного набора обязанностей («податей» и «повинностей») по отношению к государству: поставка рекрутов, строительство и содержание дорог (почтовых трактов), поставка подвод для войск, обеспечение их расквартировки в городах, денежная подушная подать, участие в государственном административном управлении и т.д. Регулярную уплату и выполнение тягла должна была обеспечить круговая порука, установленная законодательно правительством. Именно она являлась тем стержнем, вокруг которого сформировались городские мещанские общины [5, 12].

Важным фактором выдвижения городоведческих сюжетов в число актуальных была роль городов в процессе развития феодальных, а затем капиталистических отношений — стержневых проблем советской исторической науки. Основные интересы отечественных исследователей были связаны с социально-экономическими и демографическими процессами. Изучалась социальная структура русских позднефеодальных и пореформенных городов, социальная мобильность горожан, мещанство как основная часть населения. Появились работы о пореформенных городах, был выработан тезис о необходимости изучения города в неразрывной связи с селом,

о взаимодействии города и деревни в социально-экономическом строе России. В историографии городов Северного Кавказа была лишь одна попытка определения сословного состава населения, предпринятая В. И. Лариной по городу Владикавказу. Опираясь на статистические сведения за 1874 г., она отмечала, что большинство населения составляли мещане — 5278 человек и ремесленники — 275 человек [6, 87]. Анализ сословного состава населения города подвел Ларину к выводу о глубокой «классовой дифференциации и поляризации классовых сил».

Важным аспектом историко-этнографических исследований было выделение социально-бытовых групп горожан на основании ряда признаков, связанных с историей формирования населения и его социальной характеристикой, особенностями производственного быта, материальными условиями жизни, отношением к общественной деятельности отдельных групп горожан, способами проведения досуга, особенностями праздничных традиций, соблюдаемых обрядов [7; 8; 9]. Вместе с тем следует отметить недостаточную степень изученности отдельных вопросов, связанных с мещанством, важных для объективной оценки его роли в истории региона.

Согласно данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в северокавказском регионе к мещанам были причислены: в городе Владикавказе Терской области 41,69%, в других городах области 45,83%, в селениях — 3,03% всего населения, в Ставрополе Ставропольской губернии — 54,29%, других городах губернии — 12,30%, в селениях — 2,05%; в Екатеринодаре Кубанской области 47,51%, дру-

гих городах области — 42,18%, в селениях — 7,86% [10; 11; 12].

Мещанское сословие отличалось высокой территориальной и социальной мобильностью. Немаловажную роль играла и достаточная открытость сословия. Объявив определенный капитал, мещанин получал возможность приобрести гильдейское свидетельство, перейти в купеческое сословие и заняться торговлей или производством. Другими вариантами могли стать перевод в ремесленное сословие, учеба в средних и высших учебных заведениях или поступление на государственную службу и пр. [5, 312]. Отчетливо прослеживается тенденция превращения мещан в рабочих промышленных предприятий; лидируют они и среди городских отходников. Хозяйственная деятельность мещан различалась по регионам, но повсеместно у них встречалось многоотраслевое хозяйство и ориентация на поиск заработка за пределами своих постоянных мест жительства [13, 10].

Состав мещанства регулировался сохранением обязательной приписки к мещанскому обществу какого-либо города. Приписка осуществлялась по приемному приговору мещанского общества с предоставлением увольнительного приговора от прежнего общества — мещанского или крестьянского [1, 457]. Процесс перехода в мещанское сословие фиксируют многочисленные архивные документы, в том числе и по провинциальным городам. Так, за первое полугодие 1892 г. во Владикавказскую городскую управу Терской области поступило более 150 прошений о приписке «в мещане города Владикавказа». Статистические данные фондов показывают, что большинство заявлений было подано от крестьян, отстав-

ных военных и членов их семей, как правило, православного вероисповедания или принявших православие. Часто встречаются прошения и от иностранных подданных. Так, во Владикавказской городской управе 5 января 1892 г. слушалось ходатайство от «принявшего православие мещанина г. Ростова (на Дону) Ефрема Цвешневицкого» (30 л.) о причислении его с женой Екатериной Марковной (24 г.) в мещане гор. Владикавказа; в последующие дни поступили прошения от Рижской мещанки еврейки Веры Абрамович (16 л.), принявшей православие; от принявшего православие из магометан с. Гойты Грозненского округа Николая Александрова Иванова (22 г.); от бывшего турецкоподданного, православного Паника Ефстафьева Марандова (35 л.) о причислении его с семейством (жена Марфа Егорова, 25 л.) к обществу мещан гор. Владикавказа, и предоставлении им свидетельства о принятии его в подданство России, выданное ему Терским Областным Правлением 12 декабря 1891 г.; от отставного казенного денщика Каспара Михайлова Кухареского (42 г.), римско-католического вероисповедания; от крестьянина Тамбовской губернии Шацкого уезда Борковской волости и села, православного Семена Яковлева Трохина (42 г.), женой Марией Петровой (37 л.), сыном Мироном и приемным сыном Михаилом; от вдовы, солдатки Полтавской губернии Кременчугского уезда Горбовской волости Домнакин Антоновой Серомашенковой (26 л.); от жителя сел. Аранеси Душетского уезда Георгия Тетрашвили (21 г.) с матерью Ниной (40 л.) и братом Гавриилом; от вдовы исключенного из войскового сословия отставного казака Терского казачьего войска Петра Савельева Мясоедова,

православной Прасковьи Мясоедовой (47 л.); и многие др. [14, 1-32].

Городской управой рассматривались и прошения об исключении из мещан с последующим уведомлением официальных органов. Так, 20 февраля 1892 г. рассматривалось дело об «исключении из числа мещан г. Владикавказа Попова Андрея Попова, Порфирия Блудова, Василия Назарова. Из них Попова как удостоенного степени лекаря, второго звания инженера-технолога, третьего звания технолога»; присланное Ставропольской Казенной Палатой от 2 октября 1891 г. за №51993 прошение Директора Демидовского Юридического Лицея о том, чтобы «Владикавказского мещанина Наума Осипова Фейвинявиля за окончание им полного курса лицея исключить из мещан г. Владикавказа»; отношение Лесного Института в С.-Петербурге от 20 августа 1891 г. за №1473, «коим уведомляя Городскую управу, что Владикавказский мещанин Шлема Мейеров Каменцер (28 л.) окончил полный курс институтского образования, будет удостоен звания ученого лесовода II разряда, что равносильно званию Действительного студента в университетах по уставу 1863 года, просит исключить из числа мещан и о сем уведомить Институт»; отношение начальника Тифлисского Почтово-Телеграфного Округа «от 19 мая 1891 года за №6173, полученное при надписи Ставропольской Казенной палаты от 29 того же мая за №27886 на предмет зачисления Владикавказского мещанина Михаила Митрофанова согласно 356 ст. т. V. уст. о подат. по продолж. 1876 г. за определением его почтальоном в Тифлисскую Почтово-Телеграфную контору на льготу.

Справка: Михаил Митрофанов значится в посемейном списке мещан

1890 года под №1632. Определено: Владикавказского мещанина Михаила Филипова Митрофанова согласно вышезаслушанного исключить по городу Владикавказу с начала 2 половины 1891 г. Об исключении этом: а) показать по своевременной отчетности, доставляемой в Ставропольскую Казенную Палату и Г. Начальнику Терской области; б) дать знать Владикавказской Мещанской Управе; в) сообщить Г. Начальнику Тифлисского Почтово-Телеграфного Округа, возвратив к нему свидетельство за №3212. За сим дело это счесть конченным и сдать в свое время в архив»; уведомление Самарской Казенной Палаты от 17 февраля 1892 года за №2875 об исключении Владикавказского мещанина Ильи Карпова Карпова по городу Владикавказу за причислением его в крестьяне Николаевского уезда Горьяновской волости, села Макароевки» [14, 35-36, 49, 57, 76-79).

Возможность причисления к мещанам предоставлялась официальными властями не всегда. Так, в слушании по делу местной жительницы сел. Балты, Владикавказского Округа, Дуду Хаблиевой, «а по Св. крещению названной Евдокией Михайловною Горбунцовою, о причислении ее в мещане гор. Владикавказа и предоставленное ею метрическое свидетельство, выданное из Владикавказского кафедрального Спасо-Преображенского Собора 4 июня 1891 года за №219 о крещении ея», был вынесен отрицательный вердикт, так как «Областное Правление Терской области отношением от 18 сентября 1891 года за №16994 уведомило, что Г. Начальник Области и Наказной Атаман приказал предложить Управе не причислять к гор. Владикавказу туземцев. Определено: Жительнице сел. Балты, Владикав-

казского Округа Евдокии Михайловне Хаблиевой, на основании приведенного в справке отношения Областного Правления, отказать в причислении ее в мещане гор. Владикавказа и о сем объявить ей, через Владикавказское городское полицейское управление, с возвращением ей предоставленного метрического свидетельства за №219» [15, 153]; по той же причине отказали в подобном прошении жителю сел. Даргавс 1-го участка Владикавказского Округа Кавдиму Батиеву, т.к. «Г. Начальник Области и Наказной Атаман приказали предложить Управе не причислять туземцев к мещанам гор. Владикавказа» [14, 96, 104].

Предполагался и переход из мещан в крестьяне, при этом мещанин имел «право располагать своею собственностью в городе и не принуждается выводить из мещанского звания всех своих детей или родственников, если сам того не пожелает. Мещанину, перешедшему в крестьянство, не запрещается вступать обратно в мещанское звание на общих для сего правилах» [16, 59].

Официально фиксировались также случаи перехода из купеческого состояния в мещанское. Примером могут служить журнальные записи Владикавказской городской управы о том, что владикавказских купцов «2-й гильдии Ивана Федоровича Калугина, ныне 55 л., с женой Глафирию Федоровою 47 л., сыном Алексеем, родившимся в октябре 1880 г., и дочерью Анфисою 7 мес.; Зельмана Ицкова Позина — 38 л., с женой Ревекою Борисовою — 28 л., и сыном Альбертом, родившимся 26 ноября 1886 года, за не объявление капитала снести в мещане с начала сего 1892 года...; 1-й гильдии купца Григория Ноевича Гешелина ныне 38 л. с же-

ной Софьей Берековой 29 л. снести во 2-й гильдии купцы с начала 1892 года как уплатившего по сей гильдии пошлины» [14, 90].

Мещане, занимаясь разными видами хозяйственной и социальной деятельности, являлись одним из «основных классов производителей в сфере материального производства, одним из источников формирования пролетариата и возможной социальной основой развития в России мелкого бизнеса и среднего класса как его носителя» [4, 429]. Так, Земские почтовые станции в гг. Пятигорск, Георгиевск, Моздок и Кизляр содержались «на основании ст. 13 параграф 111 пун. 3 уст. о Зем. пов. по прод. 1890 г., за счет земских сборов» Ставропольской губернии. В трехлетии с 1 января 1905 г. по 1 января 1908 г. станции эти содержались по следующим ценам в год: «Пятигорская станция с 6 лошадьми — Пятигорским мещанином Петром Ляликовым за 660 руб., Георгиевская с 6 лошадьми — Георгиевским мещанином Григорием Сливцовым за 555 руб., Моздокская с 6 лошадьми — Владикавказским мещанином Иваном Дробышевым за 750 руб., и Кизлярская с 9 лошадьми — жителем селения Аксай Османом Идрисовым за 1635 руб.» [17, 3]. На торгах, иницилируемых Терским Областным Правлением, заключались арендные контракты на трехлетнее содержание почтовых станций; как правило, критериями отбора служили благонадежность арендаторов и надлежащее содержание станций.

Из мещан каждого города, посада или местечка создавалось мещанское общество — мещанская корпоративная организация. Мещанские общины выполняли ряд функций, связанных с общегосударственным управлением,

хозяйственно-экономическими занятиями мещан, их семейным, религиозным и праздничным бытом, а также социальной защитой в их среде [5, 367]. С этой же целью они создавали свои благотворительные общества и сословные клубы.

Одной из основных функций мещанских обществ (так же как и купеческих) являлись выборы из своей среды должностных лиц в органы местного сословного, а в малонаселенных городах, при недостатке купечества, и городского самоуправления [1, 469]. В законе оговаривалось, что в незначительных уездных и безуездных городских поселениях исполнение установленных обязанностей по мещанскому управлению возлагалось на городское управление, с соблюдением правил, указанных в Городовом Положении. В городских поселениях, «в коих введено упрощенное общественное управление, все дела по мещанскому управлению возлагаются на Городского Старосту. Мещанские Старосты и их Помощники, а равно Члены Мещанских Управ, где сии последние учреждены по приговорам мещанских обществ, избираются сроком на три года. Старосты и Десятские избираются мещанским обществом каждого города из принадлежащих к тому обществу лиц»; а для «удобнейшего взимания» денежных сборов, в каждом мещанском обществе избирается на три года Староста «из благонадежных людей» [16, стат. 598-600, 603].

Так, в 1896 г. в городе Моздок Терской области был вынесен Общественный приговор моздокским мещанским обществом: «...мы нижеподписавшиеся, в полном собрании наличных душ, в числе 103 человека, бывших сего числа на сходе, где из среды себя избрали

податными старостами денежных сборов на 1897 год: русской нации Акима Рябкова, армянской — Герасима Асламова, грузинской — Павла Абдулова, осетинской — Андрея Тагунова, черкесской православной — Александра Бичеева и черкесской магометанской — Умара Бадрикова, с назначением им на разные расходы по сборам повинности: русской нации — 160 руб.; армянской — 240 руб.; грузинской — 110 руб.; осетинской — 130 руб.; черкесской православной — 70 руб.; черкесской магометанской — 40 руб.» [18, 6].

По Городовым положениям 1870 и 1892 гг. мещане сохранили свое право на участие и в городском самоуправлении, но их избирательные права были ограничены сначала трехразрядной избирательной системой, а затем высоким имущественным цензом, что давало преобладание в городских органах дворянам, купцам и почетным гражданам. В состав городских дум входили дворяне, купцы, почетные граждане, мещане, домовладельцы, запасные или отставные военные, служащие и др. Процентное соотношение представителей различных сословий не было одинаковым. Большинство мест отводилось дворянам, купцам и почетным гражданам. Так, количество мещан в составе городских дум в разных городах и в разные годы менялось. Степень участия мещан в общественной жизни городов через органы местного управления можно проследить в результате анализа занятия должностей в городских думах и магистратах.

В опубликованных списках представителей сословных учреждений по Терской области на 1891 г. зафиксировано, что избрано 57 членов Владикавказской городской Думы в лице глас-

ных и кандидатов. Из них мещанами были: «Владикавк. мещ. Карачков Ив. Михайл., Иванов Исая Тимоф., Минявин Григ. Петр., Казибекоев Сем. Давид., Степанов Ив. Ник., Кулов Ег. Степ., Латышов Мих. Ильич, Семенцов Степ. Прокофьев., Кравцов Федул Прокофьев, Лукьянов Ив. Павл., Панкратов Самойло Ив., Гальцев Мих. Конст., Беликов Гавр. Вас., Галкин Ив. Вас., Афанасьев Як. Павл.» — всего 15 человек [19, 62-69].

В Пятигорской городской Думе гласными из мещан были избраны «Бабасынов Ив. Мартынов — нахичеванский мещанин; пятигорские мещане Бахмутов Григ. Михайл., Вишневкин Бор. Евсеев., Волгунов Козьма Як., Гончаров Петр Никол., Громов Ал-сей Кирилл., Демидов Петр Андр., Иванов Афанас. Данил., Кузьменко Вас. Ник., Николаенков Вас. Егор., Саратовкин Серг. Афан., Сухаревич Мих. Ив., Трухачев Афанас. Никит., Цибульников Семен Ильич, Черешнев Ив. Михайл.» — всего 15 чел. из 48 членов думы. В этом же году в Управу г. Кизляр был избран «кизлярский мещанин Мих. Давид Дамурчиев. В кизлярскую Думу гласными I-II-III разрядов вошли мещане Ив. Герасим. Татосов, Мак. Аким. Агаджанов, Никита Серг. Долгов, Моис. Христоф. Мугдусиев, Захар Як. Никогосов, Ив. Минаев. Соломонов, Аброс. Афон. Алексанов, Ив. Артемьев. Петросов, Герас. Ив. Давыдов, Мих. Давидов. Дамурчиев, Герас. Артемьев Ананьев» — всего 11 чел. из 39 членов. В городскую думу Георгиевска вошли: «кандидат городского головы георгиевский мещанин Прокоф. Киреев. Богачев; гласными и кандидатами: мещане Мих. Семен. Шестопалов, Деом. Дорофеев Збитнев, Ал-сей Ильич Булатников, Дан. Тимоф. Харин» [19, 62-69].

В списках гласных Владикавказской городской Думы и кандидатов к ним, избранных в городском избирательном собрании 29-30 августа 1908 г. на четырехлетие 1908-1912 гг. в количестве 62 чел., мещанское сословие представляли: Чеховский Георгий Данилович, бакинский мещанин; владикавказские мещане: Щербинин Семен Максимович, Пушнов Петр Иванович, Кузьмин Федор Михайлович, Щербинин Иван Тихонович, Пешков Петр Иванович, Головин Федор Николаевич, Рагулин Тимофей Яковлевич, Дмитриев Николай Дмитриевич. Из 9 кандидатов: Селегенов Виктор Алексеевич, мещанский староста. В то время как купцы были представлены в количестве 14 чел. [20, 34-36].

На четырехлетие 1912-1916 г. список гласных Владикавказской городской Думы состоял из 47 человек, из которых сословие мещан представляли: Вяльцев Василий Петрович, мещанин; Соловьев Герасим Трофимович, домовладелец, мещанин; Волынчик Алексей Иосифович, мещанин, владелец лесного склада; Макаров Абрам Николаевич, мещанин. Купцы составили 9 чел. Остальные гласные были выбраны из 6-ти домовладельцев, учителя, 2-х статских советников, губернского секретаря, врачей, коллежского регистратора, инженера, мирового судьи, протоирея, нотариуса, крестьянина и пр. [21, 16-17].

Анализ источников показывает, что в состав городских управ мещане избирались крайне редко. Лишь в должностях гласных и кандидатов мы видим определенное количество представителей мещанства. Иерархия постов определялась законодательством; наиболее престижные, такие как городской голова, бургомистры и ратманы, закрепля-

лись за представителями купеческой элиты. Предполагалось, что городскими старостами, гласными дум, депутатами «при разных местах» и на прочие должности мещане могли избираться в случае нежелания купечества «принять их». Представительство мещанства в думах и магистратах того или иного города во многом зависело от величины местного купеческого общества [22]. В крупных областных, краевых городах именно купцы играли ведущую роль в работе органов общественного управления.

Мещане уездных, небольших провинциальных городов имели больше возможностей влиять на деятельность местных органов управления, исполняя обязанности гласных различных разрядов от настоящих городских обывателей и городских старост, хотя лишь немногие из них обладали необходимыми навыками управления и хозяйствования. Обычно к этой категории относились те из них, кто получил опыт, занимаясь торгово-промышленной деятельностью. Определенная часть мещан служила источником комплектования должностей низшего уровня — технического персонала при магистратах и думах (внеканцелярских служителей), выборных и свидетелей при судах, оценщиков и т.д. Основная масса поставляла кандидатов в разного рода «службы по выбору», не требовавших особой квалификации (сторожа, посыльные и т.д.) [22].

Постепенно деятельность мещанских обществ сужалась и стала осуществляться «не столько по внутренней потребности, как было прежде, сколько в силу обязанности перед государством, по инерции, чисто формально и просто по принуждению». А к началу XX в.

межличностные отношения «общинного типа превратились в отношения по преимуществу общественного типа во всех корпорациях, включая купеческие, мещанские и ремесленные общества» [2, 507-509]. Весьма ограниченными были и «гражданские» возможности, а ликвидация сословных мещанских управлений и передача их дел органам городского самоуправления нарастала [1, 78-479; 8, 144].

Таким образом, в рассматриваемый период мещанские общества в северокавказских городах формировались как мещанская корпоративная организация. Одной из основных функций мещанских обществ являлись выборы из их среды должностных лиц в органы местного сословного, а в некоторых местах и городского самоуправления. В небольших городских поселениях исполнение обязанностей по мещанскому управлению возлагалось на городское управление. При том, что мещанство имело свое управление, самоуправление лишь в весьма слабой степени служило нуждам членов сословия, по сути являясь бесплатным органом фи-

нансово-полицейского управления для государства. Квоты в составе городского самоуправления и городской думы не позволяли широко использовать возможный потенциал общественных представителей, хотя о важности их работы в свое время говорил и городской голова Владикавказа Г. В. Баев: «Для правильного решения возникающих многочисленных вопросов в Городском Управлении весьма важное значение имеет непосредственное личное знакомство г.г. гласных с городскими учреждениями. Крайне необходимо, чтобы многочисленный штат служащих, обслуживающий отдельные отрасли городского хозяйства и управления, знал бы г.г. гласных — хозяев города, — чтобы все они работали под неослабным общим контролем членов Городской Думы» [23, 2].

Следует отметить, что правовые и социально-экономические особенности формирования мещанского сословия на Северном Кавказе отличались замедленным характером, но все же отражали общероссийские тенденции перехода к изживанию сословности.

1. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. М., 2009.

2. Миронов Б. Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

3. Гусева Т. М. Городские сословия и формирование социокультурной среды уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX вв.: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Самара, 2012.

4. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008.

5. Зорин А. Н. и др. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.

6. Ларина В. И. Очерк истории городов Северной Осетии (XVIII-XIX вв.) Орджоникидзе, 1960.

7. *Канукова З. В.* Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2008.
8. *Туаева Б. В.* Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX — начала XX вв. Владикавказ, 2013.
9. *Уадати А. С.* Владикавказская городская дума: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2008.
10. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г./Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. 68. Терская область.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г./Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. 67. Ставропольская губерния.
12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г./Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. 65. Кубанская область.
13. *Захарова В. В.* Мещанское сословие пореформенной России: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998.
14. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 211. Оп. 1. Д. 189.
15. *Туаева Б. В.* Мещане города Владикавказа // Родина. 2014. № 1. С. 153-154.
16. Свод Законов Российской империи. Т. 9. Свод законов о состояниях. СПб., 1899.
17. ЦГА РСО-А. Ф. 52. Оп. 52. Д. 1004.
18. ЦГА РСО-А. Ф. 200. Оп. 1. Д. 2.
19. Терский календарь на 1891 г. Владикавказ, 1890.
20. ЦГА РСО-А. Ф. 211. Оп. 1. Д. 192.
21. ЦГА РСО-А. Ф. 211. Оп. 1. Д. 193.
22. *Смирнов И. Н.* Мещанское сословие Области войска Донского в конце XIX — начале XX века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2007.
23. ЦГА РСО-А. Ф. 211. Оп. 1. Д. 199.